

Р.А.Храмцова

Об интересном опыте соединения изучаемого, самостоятельно читаемого и творческого в среднем звене

Сразу предупреждаю читателей: это не статья, это попытка более-менее связно записать своё выступление на Встрече, включив в него довольно большие фрагменты детских работ для пояснения сказанного, отнюдь не для примера.

Четыре года назад ко мне пришли новые пятиклассники. Предыдущие малыши попадали в мои педагогические руки, соответственно, 4+6(7) лет назад, то есть очень давно.

Довольно быстро выяснилось, что эти малыши очень нетакие. Они не готовы были, как в известном анекдоте, покорно спрашивать у «мамы», голодны они или замёрзли, чтобы вынужденно сидеть в классе и заниматься изучением образцов великой литературы. Да, у нынешних детей плохо с почтением к авторитетам. Им нельзя, как раньше, сказать, что это белое и его надо сильно любить. Они ориентируются исключительно на свои ценности. И с этим приходится считаться, если учитель хочет диалога, а не одиноких воплей в пустыне.

И второе, с первым связанное. У человека, как разъясняли нам психологи, помогающие внедрять ФГОС в школьную жизнь, от рождения есть некая "ниша" для того, что относится к нравственно-этическому. И если она не "заполняется" нужными вещами, о которых заботятся воспитывающие его окружающие, она просто то заполняется всем тем, что окружает человека ежедневно. А окружает современного человека, и ребёнка особенно, ибо это отдельная индустрия, во множестве продукция масскульта. И массовая культура умеет очень хорошо работать со своей целевой аудиторией.

И тогда мы с коллегами, работающими в шестом классе, решили, что надо на литературе работать, очень внимательно учитывая интересы детей, наблюдая за тем, что они читают сами по себе, не отрицая эту литературу, не уничтожая её, но показывая разницу с той, которую несём на урок мы. Мы решили зайти оттуда, где вскрываются механизмы воздействия на читателя.

Проанализировав перечень текстов, составляющих программу 6-го класса, мы увидели, что среди них есть такие, вокруг которых можно развернуть обсуждение книг, написанных в самых популярных жанрах массовой литературы. У нас получилось четыре таких «точки» в учебном году, когда можно подробно об этом говорить.

«Точка» первая. Чехов и heroic fantasy

Сентябрь-начало октября – время, когда мы читаем повесть А.П.Чехова «Степь». Вернее, главы из неё - нас интересует разговор о стилистических особенностях письма разных авторов. В частности, в прочитанной до этого повести Толстого «Отрочество» есть описание грозы, после которой у героя появляется «новый взгляд» на мир. Гроза есть и в чеховской «Степи».

Предлагаю вам довольно объёмный фрагмент седьмой главы повести Чехова.

Вдруг рванул ветер и с такой силой, что едва не выхватил у Егорушки узелок и рогожу; встрепенувшись, рогожа рванулась во все стороны и захлопала по тюку и по лицу Егорушки. Ветер со свистом понёсся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес. Он дул с черной тучи, неся с собой облака пыли и

запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Теперь, по всей вероятности, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо; вероятно, около самой черной тучи летали перекати-поле, и как, должно быть, им было страшно! Но сквозь пыль, залеplявшую глаза, не было видно ничего, кроме блеска молний.

Егорушка, думая, что сию минуту польет дождь, стал на колени и укрылся рогожей.

— Пантелле-ей! — крикнул кто-то впереди. — А... а...ва!

— Не слыха-ать! — ответил громко и нараспев Пантелей.

— А...а...ва! Аря...а!

Загremел сердито гром, покатился по небу справа налево, потом назад и замер около передних подвод.

— Свят, свят, свят, господь Саваоф, — прошептал Егорушка, крестясь, — исполнь небо и земля славы твоя...

Чернота на небе раскрыла рот и дыхнула белым огнем; тотчас же опять загremел гром; едва он умолк, как молния блеснула так широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до самой дали, всех подводчиков и даже Кирюхину жилетку. Черные лохмотья слева уже поднимались кверху и одно из них, грубое, неуклюжее, похoжее на лапу с пальцами, тянулось к луне. Егорушка решил закрыть крепко глаза, не обращать внимания и ждать, когда всё кончится.

Дождь почему-то долго не начинался. Егорушка, надежде, что туча, быть может, уходит мимо, выглянув из рогожи. Было страшно темно. Егорушка не увидел ни Пантелея, ни тюка, ни себя; покосился он туда, где была недавно луна, но там чернела такая же тьма, как и на возу. А молнии в потемках казались белее и ослепительнее, так что глазам было больно.

— Пантелей! — позвал Егорушка.

Ответа не последовало. Но вот, наконец, ветер в последний раз рванул рогожу и убежал куда-то. Послышался ровный, спокойный шум. Большая холодная капля упала на колено Егорушки, другая поползла по руке. Он заметил, что колени его не прикрыты, и хотел было поправить рогожу, но в это время что-то посыпалось и застучало по дороге, потом по оглоблям, по тюку. Это был дождь. Он и рогожа, как будто поняли друг друга, заговорили о чем-то быстро, весело и препротивно, как две сороки.

Егорушка стоял на коленях или, вернее, сидел на сапогах. Когда дождь застучал по рогоже, он подался туловищем вперед, чтобы заслонить собою колени, которые вдруг стали мокры; колени удалось прикрыть, но зато меньше чем через минуту резкая, неприятная сырость почувствовалась сзади, ниже спины и на икрах. Он принял прежнюю позу, выставил колени под дождь и стал думать, что делать, как поправить в потемках невидимую рогожу. Но руки его были уже мокры, в рукава и за воротник текла вода, лопатки зябли. И он решил ничего не делать, а сидеть неподвижно и ждать, когда всё кончится.

— Свят, свят, свят... — шептал он.

Вдруг над самой головой его с страшным, оглушительным треском разломалось небо; он нагнулся и притаил дыхание, ожидая, когда на его затылок и спину посыпятся обломки. Глаза его нечаянно открылись, и он увидел, как на его пальцах, мокрых рукавах и струйках, бежавших с рогожи, на тюке и внизу на земле вспыхнул и раз пять мигнул ослепительно едкий свет. Раздался новый удар,

такой же сильный и ужасный. Небо уже не гремело, не грохотало, а издавало сухие, трескучие, похожие на треск сухого дерева, звуки.

«Трах! тах, тах! тах!» — явственно отчеканивал гром, катился по небу, спотыкался и где-нибудь у передних возов или далеко сзади сваливался со злобным, отрывистым — «трра!..»

Раньше молнии были только страшны, при таком же громе они представлялись зловещими. Их колдовской свет проникал сквозь закрытые веки и холодом разливался по всему телу. Что сделать, чтобы не видеть их? Егорушка решил обернуться лицом назад. Осторожно, как будто бы боясь, что за ним наблюдают, он стал на четвереньки и, скользя ладонями по мокрому тюку, повернулся назад.

«Трах! тах! тах!» — понеслось над его головой, упало под воз и разорвалось — «Ррра!»

Глаза опять нечаянно открылись, и Егорушка увидел новую опасность: за возом шли три громадных великана с длинными пиками. Молния блеснула на остриях их пик и очень явственно осветила их фигуры. То были люди громадных размеров, с закрытыми лицами, поникшими головами и с тяжелой поступью. Они казались печальными и унылыми, погруженными в раздумье. Быть может, шли они за обозом не для того, чтобы причинить вред, но все-таки в их близости было что-то ужасное.

Егорушка быстро обернулся вперед и, дрожа всем телом, закричал:

— Пантелей! Дед!

«Трах! тах! тах!» — ответило ему небо.

Он открыл глаза, чтобы поглядеть, тут ли подводчики. Молния сверкнула в двух местах и осветила дорогу до самой дали, весь обоз и всех подводчиков. По дороге текли ручейки и прыгали пузыри. Пантелей шагал около воза, его высокая шляпа и плечи были покрыты небольшой рогожей; фигура не выражала ни страха, ни беспокойства, как будто он оглох от грома и ослеп от молнии.

— Дед, великаны! — крикнул ему Егорушка, плача.

Но дед не слышал. Далее шел Емельян. Этот был покрыт большой рогожей с головы до ног и имел теперь форму треугольника. Вася, ничем не покрытый, шагал так же деревянно, как всегда, высоко поднимая ноги и не сгибая колен. При блеске молнии казалось, что обоз не двигался и подводчики застыли, что у Васи онемела поднятая нога...

Егорушка еще позвал деда. Не добившись ответа, он сел неподвижно и уж не ждал, когда всё кончится. Он был уверен, что сию минуту его убьет гром, что глаза нечаянно откроются и он увидит страшных великанов. И он уж не крестился, не звал деда, не думал о матери и только коченел от холода и уверенности, что гроза никогда не кончится.

Попробуйте прочитать только подчеркнутый текст: в этом отрывке останется описание происходящего в природе и исчезнет главное – человек и его восприятие происходящего, его чувства и переживания, выраженные через действия. Мы спросили у ребят, что им напоминает это описание, не боясь, что они не опознают часто встречающиеся в фэнтези epic battle – сражения эпического масштаба, в которых сходятся силы Тьмы, Зла и Света. Эти сражения отлично знакомы нашим ученикам и по многочисленным компьютерным играм. Мальчишки очень любят рисовать такие сюжеты. И после урока по анализу седьмой главы чеховской «Степи» дети получили задание – написать фрагмент или законченную историю в жанре epic battle. Те, кому трудно начать с нуля создавать своё, могут взять за основу чеховский текст (таких практически не оказалось), вообще, его можно было использовать каждому в своей работе, а можно было не использовать.

Вот один из примеров выполнения такого задания, тоже довольно объёмный.

Одержимый жадой власти, Титан Огня Вулканикс хотел уничтожить род людской и захватить власть над всем миром. Единственная надежда на спасение — герой Акватикс - Титан Воды. Заручившись поддержкой Фандерса – Титана Грома, Акватикс готовился к схватке со злом.

Наступила ночь. Луна взошла сильно багровая и хмурая, точно больная; звезды тоже хмурились, мгла была гуще, даль мутнее. Природа как будто что-то предчувствовала и томилась.

Вулканикс приближался. Далекие молнии из его меча, каждую минуту сверкали вдали.

Вдруг совсем рядом сверкнула молния, и, точно отразившись в зеркале, она тотчас же сверкнула вдали.

Даль заметно почернела и уж чаще, чем каждую минуту, мигала бледным светом, как веками. Чернота ее, точно от тяжести, склонялась вправо.

Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая полоска и потухла. Это Вулканикс заточил меч перед битвой. Послышалось, как будто кто-то прошелся по

железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо. Он был совсем рядом.

Между далью и правым горизонтом мигнула молния, и так ярко, что осветила часть гор и место, где ясное небо граничило с чернотой. Вулканикс надвигался не спеша. На нем висели большие, черные лохмотья горячей лавы; точно такие же лохмотья, давя друг друга, громоздились на правой и на левой стороне горизонта. Земля уже пылала от его огня.

Явственно и не глухо проворчал гром. Это предвкусал битву Фандерс.

Вдруг рванул ветер с огромной силой. Он со свистом понесся над горами, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно грома. Он дул на Вулканикса, раздувая его огонь, неся с собой облака пыли. Это пришел на помощь огню Повелитель бурь – Смерч.

Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Теперь, по всей вероятности, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо! И сквозь пыль не было видно ничего, кроме блеска молний.

Фандерс не мог сдерживать гнева. Загремел сердито гром, покатился по небу справа налево, потом назад и замер.

Чернота на небе раскрыла рот и дыхла белым огнем; тотчас же опять загремел гром; едва он умолк, как молния блеснула очень широко. Огненные лохмотья лавы слева уже поднимались вверх и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне.

Акватикс затаился перед броском. Дождь долго не начинался.

Но вот, наконец, ветер в последний раз рванул вперед и убежал куда-то. Послышался ровный, спокойный шум. Большая холодная капля упала на меч Вулканикса. Что-то посыпалось и застучало по вершинам гор. Это были водные потоки из недр озер и морей, которые устремил Акватикс на землю.

Вдруг со страшным, оглушительным треском разломалось небо! На струях, льющихся в небес и на бежавших отовсюду потоках воды вдруг вспыхнул и раз пять мигнул ослепительно едкий свет. Раздался новый удар, такой же сильный и ужасный. Фандерс уже не гремел, не грохотал, а издавал сухие, трескучие, похожие на треск сухого дерева, звуки.

"Трах! тах, тах! тах!" - явственно отчеканивал гром и раскатился по всему небу.

Раньше молнии Вулканикса были только страшны, а при таком же громе Фандерса они представлялись зловещими.

На вершинах гор сражались три громадных великана с длинными пиками. Молния блеснула на остриях их пик и очень явственно осветила их фигуры. То были титаны громадных размеров, с воинствующими лицами и с тяжелой поступью.

Акватикс вонзил свой водяной меч в сердце Вулканикса. Он упал, разливаясь по земле потоками горячей лавы, огня и камней. Последние его молнии сверкнули в нескольких местах и осветили дорогу до самой дали. По дороге текли ручьи воды, которые заливали горящую лаву, тушили огонь и наполняли свежестью все вокруг, чувствовался сильный запах мокрой земли! Акватикс стоял на вершине горы и смотрел на сырую и спасенную от огня землю. Его лицо не выражало ни страха, ни беспокойства, как будто он оглох от грома и ослеп от молний.

Мир спасен от огня и его разрушающий и губящей все живое власти. Ничто не может противостоять жизненной силе воды.

Выполнение такого домашнего задания – как процесс, так и результат – вызвало у ребят огромный интерес. Они обменивались текстами друг с другом, комментируя и радостно обнаруживая связи.

Но у нас, учителей, есть свои методические цели, которые должно осуществить, поэтому работу на следующем уроке мы организуем вокруг сравнения двух фрагментов. Нюанс: если начать составлять таблицу, записывая поочерёдно в каждую колонку какую-то мысль, то это часто – и часто неосознанно – ведёт к противопоставлению двух «объектов». Для нас же важнее сопоставление. Тут каждый может подумать об оптимальной форме записи, главное – разговор вести сначала об одном тексте, потом о другом. Что же выяснили мы, обсуждая текст Чехова и работы ребят?

Fantasy – ярко, интересно, захватывающе, легко воспринимать – в смысле легко следить за сюжетом можно, не отвлекаясь, экшену много, знакомого много... В каждом конкретном классе скажут, может быть, и это, и добавят своё

Чехов – ярко (за счёт описаний, использованных тропов), легко – потому что знакомо всё, каждый себе может представить свою картину, воображение работает, напряжённо...

Очень многие характеристики текстов и их восприятия совпали. Далее мы стали вычеркивать то, что равноценно.

И вот тут важный методический и психологический момент. Так получилось на нашем уроке, что был один пункт, который оказался «козырным» в дальнейшем разговоре. Его может не оказаться, дети могут его не сформулировать вообще или оказаться поблизости, но не сформулировать точно. И вот тут наша учительская задача – помочь им выйти в размышлении (не к точной, нужной нам мысли! – а направить) туда, где не будет тупика. А иначе зачем тогда всё?

Невычеркнутым у нас оказался только пункт про свободу читателя: ребята сказали, что Чехов даёт читателю свободу представить, как это выглядит, потому что это не на самом деле, а только кажется Егорушке, и ты себя соотносишь с героем и как бы его глазами смотришь на происходящее; у Чехова это не точное описание, а описание с помощью художественных

приёмов. И вот тут наступил тот момент, ради которого, собственно, и задание делали. Начался разговор, в котором, не отрицая, не уничтожая книги, не унижая их читателей, мы поговорили о том, что большая часть того, что они так любят читать, – массовая культура, которая очень занимательна и интересна, но свободы читателю не оставляет. Говорить ли далее (и, конечно, не в таких терминах) о формировании стереотипов и манипуляциях читательским сознанием, каждый учитель решит сам, зная особенности своего класса.

Здесь мог быть раздел с подведением итогов – методической рефлексией – каких целей мы достигли, выполняя такие задания?... Пусть каждый проделает эту работу сам, чтобы решить, стоит ли браться.

«Точка» вторая. Тургенев: ghost story, horror и suspense

Следующее обращение к опыту самостоятельного чтения произошло после изучения «Бежина луга». Я не буду сейчас останавливаться на этапах анализа рассказа Тургенева, поскольку в методической литературе зафиксировано большое количество подходов к его изучению.

Конечно, поговорили о стилистических особенностях письма, о том, как рассказ устроен – про пейзажи, про то, почему они такие разные уже в начале (ночной и утренний), нарисовали схему, где герой-рассказчик в центре круга-Природы, он в ней растворён, однако природа словно состоит из разных частей – и охарактеризовали их, опираясь на разные пейзажи, словами. Важно было, чтобы с одной стороны появились слова тёмная, загадочная, непознаваемая

Поскольку в «Бежином луге» автор даёт нам возможность встретиться с народными представлениями о потустороннем мире, то после изучения его мы решили обратиться ещё к одной группе жанров, широко представленных в современной массовой литературе.

Следующее задание, в отличие от предыдущего, мы выполняли в классе.

Ребята получили листочки с таким вот текстом:

Хоррор — жанр в кино и литературе. К фильмам ужасов относят фильмы, которые призваны напугать зрителя, вселить чувство тревоги и страха, создать напряжённую атмосферу ужаса или мучительного ожидания чего-либо ужасного — т. н. эффект «саспенс» (от англ. suspense — неопределённость). В литературе жанр связан со сверхъестественным в прямом смысле слова; имеет ограниченный набор тематизированных персонажей, заимствованных, как правило, из низовой мифологии разных народов: вампиры, зомби, оборотни, призраки, демоны и др.

Существуют тематические разновидности литературы ужасов, определяемые по наличию сверхъестественных персонажей: «рассказ о привидениях» (ghost story), вампирский роман, «рассказ об оборотне» (werewolf story), истории демонической одержимости и др".

А вот пример начала такого текста. Можно продолжить, можно сочинить свою историю.

"В темноте появилась рука, а в руке — нож. Рукоять ножа была из отполированной чёрной кости, а лезвие — из твёрдой стали и такое острое, что рану и не заметишь. Сперва.

Нож уже почти завершил то, зачем попал в дом. Поэтому и лезвие, и рукоять были мокрыми.

В приоткрытую дверь, куда недавно пробрались нож и его хозяин, вползали космы ночного тумана.

Человек по имени Джек замер у лестницы. У него были чёрные волосы, чёрные глаза и тонкие-претонкие чёрные перчатки. Левой перчаткой он вытащил из кармана чёрного плаща огромный белый платок, протёр нож и правую перчатку, потом засунул платок обратно. Охота близилась к концу. ...

... Человек по имени Джек тихо поднялся по устеленным ковром ступенькам, открыл дверь мансарды и вошёл. В начищенных чёрных туфлях, как в зеркалах, отразился крошечный месяц.

Большая луна светила в окно. Светила неярко, тонула в тумане, но человеку по имени Джек этого хватало. Более чем.

Он различил в кровати детский силуэт: голову, руки, ноги, туловище. Перегнулся через высокий деревянный бортик — такие делают, чтобы ребёнок не вылез, — поднял правую руку с ножом, нацелился в грудь...

...и опустил руку. В кровати лежал плюшевый мишка. Ребёнка не было". (Нил Гейман. История с кладбищем)

Интересно было проанализировать выполнение ребятами этого задания. Кое-кто не попал в жанр: был либо триллер, но без сверхъестественного, либо детектив-триллер, у очень немногих появились драконы. Но все-таки большинство попали в жанр. И все стопроцентно попали в стилистику.

Это было очень интересно прочитать, но надо было и ответить на вопрос, в чём разница между сверхъестественной силой у Тургенева и в тех произведениях, которые мы там любим читать. Вот что говорили ребята: у Тургенева вся нечисть - своя, домашняя, ей отведено определённое место, понятны правила взаимодействия с ними, из природных сил многое произрастает, из мифов приходят - то есть из глубины времени... А в мистических триллерах? - Во-первых, из сюжетов других книг, фильмов и так далее (а это одна из важнейших черт масскульта - вторичность). А ещё, - сказал один из ребят, - из наших страхов. Они словно из наших страхов растут. И - чтобы адреналин был, то есть ещё и подпитывают эти страхи.

(В скобках добавлю, что очень удачным оказалось завершение этого разговора просмотром и обсуждением анимационного фильма А.Петрова «Русалка»).

«Точка» третья: remake или даже пусть rework

Эта точка-остановка в нашем разговоре будет самой короткой. В середине курса шестого класса мы читаем с ребятами "Всадника без головы" и "Дубровского" - произведения, которые неизменно держат читателя в напряжении благодаря мастерски выстроенному сюжету и, во многом, законам жанра. Попробуем "переписать" сюжет одного или другого романа, переместив героев в другое пространство или другое историческое время (тем более что с пушкинским романом такие действия уже предприняты были кинематографистами). Или создадим на основе сюжета "заявку" на создание сериала. Главное условие - разделить материал на "серии". Выполнение этого задания позволит выделить главные, вершинные точки в композиции - ведь "серия" должна заканчиваться в таком напряженном месте, чтобы зритель обязательно ждал следующую. Перенос героев в другой хронотоп, "авторы" должны будут тщательно отбирать детали для характеристики места, времени и характеристики персонажей. Ещё несколько лет назад такое задание не вызывало особого воодушевления, потому что просмотр телевизионных сериалов не был очень популярен в семьях. Теперь же, когда сериалы смотрят в интернете, оно стало вновь интересовать ребят. Понятие "нового сезона" применительно к сериалу даёт возможность, например, попытаться написать продолжение и убедиться в том, что это невозможно: система романов замкнута, характеры героев не дают возможности продолжать сюжетные линии. Обратим внимание на то, что мы, ведя разговор об интересных для ребят фабулах, обсуждаем много других законов построения художественного текста. Кроме того, в этом обсуждении становится очевидной одна из важнейших характеристик массовой литературы - её вторичность.

“Точка” четвёртая. Lermontov light?

Звучат команды: «Готовься, цельсь...». Эдуард, стоя перед двенадцатью мушкетными стволами вспоминает свою жизнь – и то, как он любил, и то, как его предали якобы друзья, обвинив его в государственной измене. Сделав это, они сбежали за океан, а с одним из них сбежала Эдуардова девушка. И он понимает – несмотря на тот удар, который он получил, когда узнал об измене девушки, что должен отомстить бывшим друзьям. Поняв все это, он бросается на землю в то мгновение, когда офицер командует: «Пли!»; и пули пролетают над ним, не причинив никакого вреда. Но все подумали, что пули в него попали. По обычаю этих мест, расстрелянных хоронят только на следующий день. Так и поступили сейчас. А под покровом ночи Эдуард выбирается оттуда и спешит к берегу, где стоит его личная яхта с верными ему матросами. Эдуард отправляется в странствие на поиски бывших друзей. И можно надеяться, что он их найдёт, ведь нашёл же предателей граф Монте-Кристо. А у Эдуарда шансов найти их больше, ведь он не сидел в тюрьме 14 лет и ещё не потерял след. Он будет плавать по всем морям и океанам в поисках предателей пока не найдет.

А вот история немного другого толка:

Темнело. Он шел из магазина, куда ходил за чернилами, новым пером и пергаментом. Дорога до дома была через парк, тот самый парк, где он с ней, своей возлюбленной, (Свернуть) часто гулял. Они качались на качелях, разговаривали, и всегда садились на одну и ту же скамейку в сквере, где первый раз увидели друг друга.

Обходными тропками он быстрее прибежал туда. Из маленькой сумки, подаренной ему ею, он достал чернила, перо и бумагу. За несколько минут он изложил в послании всю свою боль и сожаления, непонимание того, как она могла предать его, рассказал о той молниеносной ране, что нанесла она. Он положил письмо на скамейку, зная, что никто его не возьмет, ведь в эту часть парка мало кто ходил, и к тому же было поздно. В подавленном состоянии он скрылся в листве, желая посмотреть, придут или нет. Через несколько мгновений они появились. Она с любопытством взяла письмо и стала читать. Слезы потекли по ее лицу, она стала искать кого-то взглядом вокруг и побежала.

В письме он написал, что уедет далеко-далеко, и может, когда-нибудь они снова встретятся. Он пришел домой, собрал все самое необходимое, взял немного денег и отправился в путь. Покинув отчий дом, пошел он в никуда навстречу судьбе.

Она прорыдала всю ночь, понимая, что потеряла его навсегда. И еще очень долго не забывала она того, кто по-настоящему любил ее.

А вот ещё одна,

Алексей пришёл домой после длинной лекции в университете. Он очень устал. Приготовив себе обед, он сел за стол и посмотрел на фотографию своей любимой, Анастасии Вилиановой. День был солнечный и Алексей решил позвать свою девушку в кино. Но когда он позвонил ей, она сказала, что не может сегодня. И тогда он решил пойти сам.

В фойе был буфет, а так как фильм начинался не скоро, Алексей решил перекусить. Вдруг в толпе мелькнуло знакомое платье. Алексей присмотрелся и обрадовался – это была она. Но то, что произошло в следующую минуту, разбило вдребезги всю радость. Рядом с Анастасией, обняв её, шёл человек. Алексей ущипнул себя. Этот юноша был ему чертовски знаком. «Нет, этого не может быть!» - прошептал Алексей и, сорвавшись с места, побежал домой... Тот человек был его лучшим другом.

Прибежав домой Алексей сел за стол. После нескольких минут раздумья он встал и начал собирать вещи. Он взял самое необходимое и, когда собрался, подошёл к той самой фотографии и

со словами «прости, если доставил тебе неудобства» перевернул её. Под конец он записал несколько фраз на автоответчик и вышел. Алексей ещё пока сам не знал, куда он идёт. Но он точно понимал, что путь его не из лёгких.

Знаете ли, вы, дорогие читатели, уже сопереживающие всем этим замечательным героям, чем они заканчиваются? Вернее, должны закончиться, поскольку мы дадим такое задание: написать такую историю, где главным героем будет человек, о котором мы могли бы сказать, что он бы мог бы стать героем лермонтовского «Паруса».

Белеет парус одинокой

В тумане моря голубом. —

Что́ ищет он в стране далекой?

Что́ кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,

И мачта гнется и скрипит;

Увы! — он счастья не ищет

И не от счастья бежит! —

Под ним струя светлей лазури,

Над ним луч солнца золотой: —

А он, мятежный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой!

Прочитав все разнообразные истории, которые будут принесены на урок, и стихотворение, мы сможем поговорить о том, в чём между ними разница. Конечно. Это будет, в первую очередь, разговор о специфике лирики как рода литературы. О ёмкости поэтического слова, которое по словам Бориса Заходера, есть шар, внутри которого находится ещё один – гораздо большего размера. 12 строк стихотворения содержат в себе все те истории, которые мы рассказали, и ещё много того, что поймётся не сейчас. Как в стихотворении эти разнообразные повествования и смыслы оказываются заключёнными в такое небольшое количество слов?

Немного методической рефлексии напоследок

Чем обогатил нас с учениками такой опыт обращения к литературе, на которую мы обычно смотрим на своих уроках свысока? Кроме того, что мы даём выход творческой энергии учеников, расширяем наши представления о круге чтения друг друга, имеем возможность говорить о книгах, читаемых с разными целями и по разным причинам, как о произведениях литературы, то есть актуализируем «литературоведческий» инструментарий?

А ещё это помогает рождаться и укрепляться ощущению, что литература – это много разных книг, а не только учебник-хрестоматия. И что учитель тоже так думает.